

“ЛАДУШКИ” И НАРОДНЫЕ ОБРЯДЫ

© В. А. КОРШУНКОВ,
кандидат исторических наук

Корней Чуковский называл “Ладушки” бессмертными. В самом деле, эта общеизвестная народная детская песенка-потешка зафиксирована чуть ли не двести лет назад, и уже тогда она звучала в своем таинственном виде. Так что текст ее давно устоялся – в современном бытованиях у русских варианты “Ладушек” почти не встречаются (у белорусов и украинцев фольклорные варианты несколько разнообразнее).

Потешками принято называть песенки, напевая которые старшие играют с малыми детьми. Обычно педагоги и фольклористы о потешках вообще и о “Ладушках” в частности судят так: мол, это простенькие и коротенькие игровые песенки, бесхитростные и приспособленные для самых маленьких, в них и речь-то идет о кашке, кормлении, птичках... Охотно признается влияние этих простых слов и действий на малыша – но и только.

Правда, если вслушаться в напеваемые слова и если вдуматься в действия, проделываемые при исполнении “Ладушек”, то ситуация с этой песенкой выглядит довольно загадочно. Почему наряду с детской, казалось бы, пищей – *кашкой* – тут же, следом упоминается сов-

сем не предназначенная для младенцев *бражка*? Кто там полетел и на головушку сел – это когда в завершении малышу поднимают ручки на голову? Да и само это словцо “ладушки” кого обозначает?..

Обычно полагают, что слово “ладушки” образовалось от словарного корня *ладонь*. Иногда в этой связи упоминается довольно редкий глагол *ладошить* – бить в ладоши (Аникин В.П. Русские народные пословицы, поговорки, загадки и детский фольклор. М., 1957. С. 206). Однако слово *ладонь* в русском языке появилось лишь к XVIII веку. Оно образовалось от древнерусского *долонь* путем перестановки слов гов и закрепления “акающего” варианта: *долонь* – *лодонь* – *ладонь*. В других славянских языках оно звучит иначе. Например, по-белорусски – *далонь*, по-украински – *долоня* и т.д. Между тем, эта потешка распространена не только среди русских, она широко известна и среди украинцев и белорусов. Вряд ли все эти украинские и белорусские тексты заимствованы от русских – некоторые из них вполне самостоятельны и оригинальны. Но в них присутствует все то же слово *ладушки*. Так что это собственно русское слово никак не может быть образовано от корня *ладонь*.

Другое объяснение допускает, что слово *ладушки* может быть формой множественного числа от существительного *ладушка*, которое является народно-поэтическим ласкательным к *лада* (Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. Т. 2.). От корня *лад* в славянских языках образовано немало слов, относящихся к свадьбе и супружеству. В том числе и существительное *лада*, которое встречается в народных песнях и в памятниках древнерусской литературы. Оно чаще всего обозначает девушку, невесту или молодую супругу. Иногда – парня, жениха, молодого мужа (это, видимо, оттого, что подобные песни чаще пелись женщинами, которые обращали эти ласковые любовные слова к мужчинам). Достаточно редко и, вероятно, лишь под влиянием этой самой песенки-потешки слова *лада*, *ладушка* употреблялись по отношению к детям. Так что едва ли в первой строке потешки звучит форма множественного числа от существительного *ладушка* в значении “ребенок”. Между тем, так считал, к примеру, Л.В. Успенский, согласно которому первую строчку потешки нужно понимать вот как: “Милые мои детушки, где вы были?” (Успенский Л. Слово о словах: (Очерки о языке). Изд. 2-е. Л., 1956. С. 60).

В Толковом словаре русского языка под редакцией Д.Н. Ушакова сказано, что слово “ладушки” известно только по одной этой детской песенке. На самом деле это не так. Этим словом (вариантом широко распространенного *лады*, *ладины*) могли называть один из предвенчальных свадебных этапов, как это было, скажем, в некоторых местностях Рязанчины (См., например: Самоделова Е.А. Жанр приговорки (предсказки) и проблема игры на свадьбе (на материалах Рязанской области) // Традиционные формы досуга: История и современность:

Сб. науч. трудов. Вып. 7. М., 1996. С. 141). Это слово во множественном числе могло обозначать оладьи (созвучие “ладушки – оладушки” нередко обыгрывается и в тексте потешки). Но главное: оно встречается, к примеру, в одной старинной весенней хороводной песне, которую пели девушки, приглашая парней в хоровод.

Песня примечательна архаичными любовно-брачными мотивами: девицы и молодцы уподобляются в ней белым лебедушкам и ясным соколам, которые собираются вместе на току и разбиваются по парам, загадывая о свивании гнезд. Припев этой песни таков: “Диди, лади, диди, ладушки!” (Терещенко А.В. Быт русского народа. Ч. IV и V. М., 1999. С. 97). А вот и другой пример. На Южном Урале при проводах Масленицы везли на санях молодую женщину, изображающую саму “гостью Масленку”, а два сопровождавших ее хора пели, перекликаясь друг с другом. В песнях обоих хоров и в песенных ответах “Масленки” звучал припев: “Ой ладушки, ладу!” (Народное творчество Южного Урала. Вып. 1. Челябинск, 1948. С. 74–75). Интересно, что слово *ладушки* как часть припева встречается у хорошо знавшего народные песни А.К. Толстого – в его стихотворном произведении “Змей Тугарин: Былина” (1867 г.). По всему тексту проходит рефрен: “Ой ладо, ой ладушки-ладо”.

Уже из приведенных примеров ясно, что слово *ладушки* составляется часть известного песенного напева – “дидо-ладо”, “ладо”, “лада” и т.д. Оно образовалось от одного из вариантов этого напева (*ладу*) путем присоединения форманта *-шки* по образцу: *баю-баюшки, гулю-гулюшки, аю-аюшки*. Либо же непосредственно от корня *лад* при помощи распространенного суффикса *-ушк-/юшк-*. Получается, что в первой строчке детской потешки запечатлен застывший, окаменевший древний народный припев. Лишь позднее он мог быть переосмыслен как существительное во множественном числе, обращенное к малым детям (“...Где были? – У бабушки!”).

Важно заметить, что такого рода традиционные припевы в старину были связаны со вполне определенными обрядовыми и лирическими песнями. В начале нашего века В.Н. Добровольский записал, “1) что некоторые из припевок народ называет божками; 2) что время употребления их строго и нерушимо освящалось преданием; 3) что зависело от обработки полей” (Добровольский В.Н. Песни Дмитровского уезда Орловской губернии // Живая старина. 1905. Вып. 3–4. С. 291).

Если же ограничиться только припевом *ладо* (с вариантами *дидо-ладо*, *лада*, *ладо* и т.п.), то нетрудно заметить, что он звучал в свадебных песнях, в весенне-летних обрядовых песнопениях, в некоторых подлюдных песнях (когда девушки на Святки гадали о своей судьбе и о грядущем замужестве), а также в тех лирических песнях, которые исполнялись на весенних гуляньях молодежи. Этот перечень определенно показывает, что припевы типа “ладо”, согласно давним народ-

ным представлениям, имели отношение к любви и обрядам, направленным на повышение плодородия полей. Известно, что в обрядовых напевах нередко звучало имя призывающего божества. Поэтому можно предположить, что этот обрядовый припев восходит к имени (вернее было бы сказать, к одному из наименований) славянского языческого божества весны, любви и плодородия.

Вопрос о существовании у славян такого божества (либо даже пары божеств – богини Лады и бога Ладо или Ладона) – давний и дискуссионный. Большинство современных ученых полагает, что это божество было измышлено польским писателем XV века Я. Длugoшем, который сам вывел имя никогда не существовавшего у славян божества только из ничего не значащих песенных припевов. Те же, кто доказывают, что славяне и в самом деле поклонялись такому божеству, подчас делают это не слишком убедительно. Отмечу только, что, на мой взгляд, писавшие по-латыни средневековые авторы воспринимали звучавшее на крестьинах, свадьбах и в хороводах славянское слово *ладо* в соответствии с законами латинского языка, во-первых, как имя мужского рода, и, во-вторых, как существительное третьего латинского склонения с полной основой, оканчивающейся на *н* – *Lado*, *Landonis* (“Ладон”). Так что мужская ипостась богини Лады – и впрямь результат недоразумения. В то время, как слово *ладо* было, надо думать, формой звательного падежа от имени женского рода – “Лада”. И вообще, существование у славян богини любви и плодородия Лады подтверждается, по-моему, не только лексическими и фольклорными данными, но и явно невыдуманными характерными чертами, которые приписывались этому божеству средневековыми писателями. Подтверждается оно также индоевропейскими мифологическими параллелями. Очевидно, образ Лады очень близок к иным женским персонажам восточнославянского язычества и народно-бытового православия: олицетворениям лихорадки и Масленицы, Параскеве-Пятнице, св. Евдокии и др.

Итак, первая строчка потешки, по-видимому, указывает на обрядовую весенне-летнюю ситуацию. В этой связи в высшей степени примечательно, что обычным завершением “Ладушек” является такой не вполне понятный по смыслу потешки текст: “Шу-у, полетели, на головушку сели!”. В Сибири в начале XX века подобные слова были отмечены в качестве приговора на обрядовом праздновании встречи прилетающих по весне птиц (Макаренко А.А. Сибирский народный календарь. Новосибирск, 1993. С. 50). Чуть позже в другом месте Сибири Г.С. Виноградов записал сходное выражение о прилетающих на “Сороки святы” жаворонках – “на уши сели”: «В это время “дорога черне(е)т”, кормов нестает, скотина тошща(е)т и престает, – оттого что жаворонки прилетели, “на уши сели”. Чтобы кони и весь скот не преставали, чтобы как говоритца, жаворонки на уши не сели, в этот

день пекут из муки, кака(я) придетца, жаворонков, сколь народу в семье и на кажну скотину» (Виноградов Г.С. Материалы для народного календаря русского старожилого населения Сибири: Восточная Сибирь, Тулуновская волость, Нижнеудинский уезд, Иркутская губерния // Зап. Тулуновского отд. Об-ва изучения Сибири и улучшения ее быта. Вып. 1. Иркутск, 1918. С. 10).

Встреча весны у многих индоевропейских народов отмечалась особыми обрядами и именно тогда, когда прилетали птицы. Позднее на Руси встречу весны и птицправляли обычно в один из трех дней: 1, 9 или 25 марта (по старому стилю). К этому празднику пекли обрядовое печенье – как правило, в виде птиц. Ему давали птичьи названия: *жаворонки, кулики, тетёрки, грачики* и т.д. Этнографы указывали, что в XIX веке и в начале XX века дети, а также иногда и девушки играли с печеными “птичками” – подбрасывали их, порой поднимали себе на голову. А после рассаживали их на весенних проталинах, на гумне на соломе, на палках, кольях забора, верхушках стогов и закликали их, распевая коротенькие протяжные песенки-заклички.

Любопытно, что такая концовка встречается не только в “Ладушках”, а еще и в некоторых других детских песенках-потешках – например, в “Сороке”. Причем удалось найти и такие, теперь уже редкостные, варианты окончания потешек: “Шу, полетели, на заборе сели!” и “Шу, полетели, на шесток сели!”. В современных детских потешках эти слова совершенно необъяснимы. Ясно, что все три варианта концовки отражают реалии обряда встречи птиц, во время которого печеных “куликов” и “жаворонков” дети и девушки поднимали на голову, а после рассаживали на заборе и на шестах (хотя упоминаемый в потешке “шесток” может иметь отношение также и к шестку как части русской печи – особенно в случае с потешкой “Сорока”). Когда же обрядовый приговор стал частью детской песенки-потешки, то упоминание о заборе и шестке получилось вовсе непонятным, и эти варианты в потешках не прижились. А голова и тут была в буквальном смысле слова под рукой: как известно, при завершении потешки, приговаривая: “Шу, полетели, на головушку сели!” – ручки малыша поднимают и кладут ему на голову (См.: Коршунов В.А. “На головушку сели!” // Русская речь. 1991. № 1. С. 142–146).

Вот и еда-питье, которыми угождает бабушка – судя по всему, тоже обрядовые. В исчезающих уже, но все же зафиксированных вариантах упоминается хлестание лозой или веником (при этом бабушка остается “добренькой”) – а это явно хлестание обрядовое, ради магически понимаемого обретения здоровья. Такое ритуальное действие хорошо известно при весенних обрядах (Коршунов В.А. Обрядовое хлестание в детской потешке // Мир детства и традиционная культура. М., 1994. С. 102–122).

Кажется, в тексте “Ладушек” нашли отражение некоторые родильные обряды, которые также могли быть приурочены к древнему началу годового круга – то есть к наступлению весны. Действительно, судя по всему, “бабушка”, упоминаемая в потешке, – это бабка-повитуха, а каша, которой она угождает детей, – это ритуальная каша, употреблявшаяся при рождении и крещении ребенка и еще при годовых праздниках повитух, рожениц и маленьких детей. Кстати, птица сорока в народной традиции явно ассоциировалась с повивальной бабкой. В потешке “Сорока” эта птица наделяет “гостей” – малых детей – кашей. К тому же в некоторых вариантах потешки “Сорока” речь идет о ритуальной бане, в которой повитуха парила роженицу с младенцем (Коршунков В.А. Фольклорно-этнографический комментарий к восточнославянским потешкам про сороку // Традиционная культура и мир детства: Материалы международной научной конференции “XI Виноградовские чтения”. Ч. 2. Ульяновск, 1998. С. 26–42).

Вот какова эта простенькая, на первый взгляд, потешка “Ладушки”. Древний обрядовый праздник встречи приносящих весну перелетных птиц некогда был серьезным и преимущественно женско-девичьим. В этом праздновании, открывавшем теплый сезон года, особенно значимыми бывали мотивы плодородия. Поэтому актуализировалась и детская тема. Так и получилось, что на основе фольклорных текстов, исполнявшихся на этом празднике, сложились некоторые песенки-потешки – и среди них “Ладушки”. Конечно, песенка, сформировавшаяся на такой основе, приобрела особенности, характерные именно для песенки-забавы. И все же, прияя из далекого прошлого, она живет и поныне, донося до нас стариные обрядовые смыслы и образы.

Киров

Работа выполнена при финансовой поддержке Министерства образования Российской Федерации, шифр гранта ГОО – 1.6–471.